

ТЕМА НОМЕРА

РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.556

Социокультурные условия приживаемости «новых» этнических групп Республики Татарстан

Ссылка для цитирования: Габдрахманова Г. Ф., Сагдиева Э. А. Социокультурные условия приживаемости «новых» этнических групп Республики Татарстан // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 1. С. 62–81. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.556>

For citation: Gabdrakhmanova, G. F.; Sagdieva, E. A. The socio-cultural conditions for the adaptation of “new” ethnic groups in the Republic of Tatarstan. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 62–81. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.556>

**Габдрахманова
Гульнара Фаатовна**

Институт истории им. Ш. Марджани,
Академия наук Республики Татарстан,
Казань, Россия

medi54375@mail.ru

**Сагдиева
Эльвина Азадовна**

Институт истории им. Ш. Марджани,
Академия наук Республики Татарстан,
Казань, Россия

elvina_n@inbox.ru

Социокультурные условия приживаемости «новых» этнических групп Республики Татарстан

Аннотация. Переписи рубежа XX–XXI вв. демонстрируют усиление этнического многообразия Татарстана. Миграция народов, давших название союзным республикам и государствам СНГ, простимулировала появление в регионе нетрадиционных этнических групп. Вопросы о том, почему одни их представители закрепляются в регионе, а другие нет, какие факторы на это влияют, мало изучены. Цель исследования¹ – выявить субъективные социокультурные условия процесса приживаемости представителей «новых» этнических групп Татарстана с разными сроками пребывания в республике. В 2016 г. авторами проведено исследование указанного процесса относительно таджиков и узбеков Республики Татарстан. Использована качественная стратегия (с применением метода интервью), предполагающая выявление наиболее типичных форм субъективного восприятия миграции (феноменологизм М. Вебера, А. Шюца, Э. Гуссерля, А. Бергсона). Материалы глубинных интервью показали, что длительность пребывания и отсутствие планов на выезд из региона вселения – недостаточные (а иногда и не работающие) признаки приживаемости мигрантов: при её измерении должны подключаться социокультурные характеристики прибывающих. Это их социализация в регионах исхода, миграционный опыт и причины переезда в РТ, наличие семьи и внутрисемейные связи, ощущение себя и своих детей гражданами РФ, глубина освоения культурных норм принимающего сообщества (включая владение местными языками), этническая идентичность и внутриэтнические сети. Анализ данных показателей позволил выделить три стратегии приживаемости таджиков и узбеков в Республике Татарстан. Первую представляют те, кто приехал в конце советского периода или в начале постсоветского. Это «старожилы». Таковыми не являются неприжившиеся, хотя и имеющие длительный, многократный опыт пребывания в республике. Они не имеют жилья, российского гражданства и не стремятся его приобрести, не осваивают культуру принимающего сообщества, часто живут обособленно, их семьи находятся в Таджикистане или Узбекистане. Промежуточное положение занимают мигранты, достаточно давно проживающие в Татарстане. У всех них имеется работа, у некоторых – собственное жильё, гражданство РФ, семьи живут вместе с ними. Такие информанты чувствуют культурную дистанцию с местными жителями, а Родиной считают регион исхода. Несмотря на разную степень приживаемости (или её отсутствие), всех обследованных мигрантов объединяет ислам как одно из важных мотивационных условий миграции.

Ключевые слова: мигранты, Татарстан, таджики, узбеки, приживаемость, социокультурные особенности

¹ Статья подготовлена по Государственной программе РТ «Реализация государственной национальной политики в Республике Татарстан на 2014–2020 годы».

Татарстан – полиэтнический регион, в котором несколько столетий проживают тюркские, финно-угорские, славянские народы. Этническая палитра республики стала более пёстрой в 1960–80-е гг., когда были зафиксированы представители Средней Азии, Кавказа, европейской части СССР, не проживавшие здесь ранее. В постсоветское время их численность увеличивалась, но к 2010 г. наряду с ростом числа одних этнических групп произошло снижение числа других (см. таблицу).

Таблица

Численность этнических групп, давших название союзным республикам и странам СНГ и зарегистрированных переписями рубежа XX–XXI вв. в ТАССР и Республике Татарстан¹

«Новые» этнические группы	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Азербайджанцы	330	390	1340	3915	9987	9527
Армяне	608	502	1153	1815	5922	5987
Белорусы	4142	4265	7074	8427	6129	4592
Грузины	300	320	812	1312	1753	1478
Казахи	389	520	969	2088	1832	1758
Киргизы	X	52	114	536	482	1156
Латыши	216	156	365	227	170	135
Литовцы	164	138	297	365	263	222
Молдаване	194	316	777	1050	1004	971
Таджики	X	88	231	742	3625	5859
Туркмены	X	83	395	901	670	968
Узбеки	512	502	1165	2692	4852	8881
Украинцы	16 099	16 868	28 577	32 822	24 016	18 241
Эстонцы	170	151	187	191	127	93

Ведущую роль в увеличении численности этнических групп, не проживавших ранее в Татарстане, играет миграция. В ТАССР для участия в развитии нефтяной отрасли, строительстве объектов нефтехимического и оборонного комплексов, КАМАЗа приезжали представители разных этносов. В постсоветское время их приток продолжился. В 1994 г. обмен с государствами СНГ давал 99,5% миграционного прироста в Татарстане, в 2007 г. – 73,1%, 2016 – 40,7%. Доминируют граждане Узбекистана, Таджикистана и Украины. В последние годы наблюдается рост числа иностранных граждан, поставленных на миграционный учёт по месту пребывания: 2015 г. – 225506 чел., 2016 – 241021 чел. Это выходцы из Узбекистана, Таджикистана, Украины, Азербайджана, Кыргызстана, Турции, Германии, Китая.

¹ Национальный состав населения Республики Татарстан: Статистический сборник по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Казань: Издательский центр Комгосстата РТ, 2004. С. 7–8; Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Статистический сборник по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 11. Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2013. С. 70–71.

О методологии исследования

Анализ научных публикаций, посвящённых «новым» этническим сообществам российского пространства, показывает их многочисленность. Прежде всего, это множество статей журнала «Дiasпора» о различных диаспоральных группах России, в которых раскрывается процесс налаживания социальных связей между приехавшими в РФ из стран бывшего СССР и создания ими механизмов поддержания национальной идентичности [Рейтблат 2014]. В ряде публикаций большое внимание уделяется субъективной стороне адаптации заселяющихся в российских регионах – их идентичностям, взаимоотношениям с принимающим населением, различными организациями и посредниками [Межэтническая напряжённость... 2017; Мигранты на российском... 2016; Дети Петербурга... 2018; Мигранты, мигрантофобии... 2014; Идентификационные стратегии... 2016; Южанин 2007; Варшавская, Денисенко 2014; Коньков 2015]. Отметим раздел К. С. Мокина из книги «Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции», в котором автор, основываясь на критериях длительности пребывания и адаптивности, выделяет «старожилов», «недавних мигрантов» и «трудовых мигрантов» из числа армян, живущих или мигрирующих в Саратовскую область [Мокин 2009].

Региональные аспекты адаптации мигрантов раскрываются в исследованиях, проведённых в Республиках Башкортостан и Татарстан [Габдрафиков, Хуснутдинова 2015; Сагдиева и др. 2011; Козлов и др. 2016], Самарской [Мухаметшина 2013], Томской области [Нам 2015] и др. Основное внимание в них уделено институализированным адаптационно-интеграционным практикам. Повседневные этнокультурные инновации в аспекте предоставляемых услуг, привносимые мигрантами в жизнь местного населения, показаны М. Ю. Мартыновой [Мартынова 2016]. Несмотря на активное изучение вопросов адаптации и интеграции «новых» этнических сообществ в российских регионах (прежде всего, трудовых мигрантов как их части), во всех обозначенных работах вопросы приживаемости, условия закрепляемости, процессы приспособления мигрантов, прибывших в советское или в постсоветское время, и взаимоотношений между представителями различных переселенческих волн не стали предметом особого внимания. Отметим и то, что социально-экономические, этнокультурные и конфессиональные особенности регионов приёма мигрантов, как и их социокультурная специфика, требуют специальных исследований, позволяющих осуществлять межрегиональные сравнения.

Термин «приживаемость» был достаточно популярным в советской послевоенной науке, но, к сожалению, оказался практически забытым в постсоветское время. Значительный вклад в изучение этого явления внесли демографы. Ими разрабатывались специальные методологии и количественные методы изучения приживаемости мигрирующего населения СССР [Зайончковская 1972]. Ими же активно использовалась категория «новосёл», которая отражает ту «часть миграцион-

ного процесса, начало которого – в превращении мигранта в новосёла, а конец – в переходе новосёла в состав старожилов» [Рыбаковский 2001]. Деление на старожилов и новосёлов специалистами в области демографии строится исключительно на основе критерия продолжительности проживания: ядром постоянного населения, по их мнению, являются прожившие в данной местности не менее 10 лет [Демографический... 2003: 59]. А. С. Шурупова для измерения приживаемости мигрантов добавляет критерий «отсутствие эмиграционных установок» [Шурупова 2006], т. е. планов на выезд из региона вселения. Некоторые исследователи стремятся оценить «последствия» приживаемости мигрантов: она, по мнению одних, может обеспечить частичную интеграцию переселенцев [Ионцев, Ивахнюк 2013], но полная, как отмечают другие, достигается, если принимающее население постигает культуру прибывших, формирует атмосферу доброжелательности и позитивные практики взаимодействия [Мукомель 2013: 5]. Оставляя вопрос об интеграции мигрантов, сосредоточимся на анализе процесса их приживаемости и поиске её критериев.

Объект исследования – таджики и узбеки. Выбор связан с существенным ростом в XX–XXI вв. числа представителей этих народов в ТАССР: количество таджиков с 1970 по 1989 гг. увеличилось с 88 до 742 человек, а к 2010 г. – почти в восемь раз (до 5859 чел.); узбеков – в 1959–89 гг. с 512 до 2692¹ и в три раза по данным последней переписи (8881 чел.). Среди иностранных граждан, имеющих вид на жительство (2015 г. – 8114 чел.), большинство – граждане Узбекистана (3159) и Таджикистана (1149)². За десять месяцев 2018 г. в Татарстан приехало 82164 граждан Узбекистана, 28205 – граждан Таджикистана [Билалова 2018: 38].

Использование количественных методов, предполагающих разработку формализованных показателей приживаемости мигрантов, не всегда позволяет уловить глубинные аспекты этого процесса. Весьма информативной оказывается качественная стратегия, использование которой при изучении миграции имеет давнюю традицию. Она берёт начало в классической работе У. Томаса и Ф. Знанецкого, построенной на изучении жизненной истории польского эмигранта Владека Висневского. Изучение типичных форм субъективного проживания миграции оказывается достаточно продуктивной в рамках феноменологической традиции, восходящей к философии М. Вебера, а также к теориям А. Шюца, Э. Гуссерля, А. Бергсона, показывающих роль субъективного аспекта деятельности людей, из которого берёт начало социальная реальность.

Выбранная методология продиктовала использование метода интервью. Такой приём давал возможность получить данные, обладающие значительной качественной определённой, зафиксировать тонкие (требующие глубокого проникновения) грани опыта восприятия миграции, выявить скрытые, неявные, но значимые для научного понимания

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Казань, 1990. С. 8.

² Материалы заседания Совета при Президенте Республики Татарстан по международным и межконфессиональным отношениям. 25.02.2015. Казань, 2015. С. 88.

аспекты сознания и поведения прибывающих. Летом 2016 г. авторами проведено 21 полуструктурированное интервью с таджиками и узбеками, живущими в городах Казани, Нурлате, Чистополе и Высокогорском районе Республики Татарстан. Мы стремились охватить исследованием мигрантов, прибывших в Татарстан в самое разное время, начиная с советского и заканчивая последними годами. Методика анализа текстов интервью строилась на принципе поэтапности. Вначале выявлено несколько случаев, которые демонстрировали «жизненные стратегии в сходных ситуациях» [Семенова 1998]. Было выявлено три стратегии приживаемости: первую представляют два информанта (их поиск оказался затруднительным из-за немногочисленности), вторую – семь, третью – двенадцать. На следующем этапе проводилось структурирование текстов по отдельным темам – история миграции, адаптация и обустройство, идентичности, планы приехавших. Стремясь «сконструировать «образцы» (т. е. нормы) поведения или типы культурных ориентаций, стилей жизни» [Семенова 1998: 43] мигрантов, мы выделили наиболее типичные их коды – социализация прибывших в регионах исхода, миграционный опыт и причины переезда в РТ, семья и внутрисемейные связи, ощущение себя и своих детей гражданами РФ, глубина освоения культурных норм принимающего сообщества (включая владение информантами и их детьми местными языками на момент исследования), этническая идентичность и внутриэтнические сети. Именно эти коды, как показал анализ интервью, являются социокультурными условиями, которые определяют эффективность приживаемости представителей «новых» этнических групп.

Стратегия приживаемости 1: «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз»

Первую стратегию приживаемости представляют те, кто приехали в Татарстан в советское время или в начале 1990-х гг. и живут в республике более двадцати пяти лет. Два таких информанта – таджик и узбек (далее по тексту сокращено как «т.» и «уз.» – прим. ред.) покинули ТаджССР и УзССР в возрасте 18 лет. Один в школьные годы помогал родителям, работая в столовой и магазине. Другой рос в религиозной семье и занимался в воскресной школе при мечети. Оба проходили воинскую службу на территории РСФСР, таджик после её завершения едет в Московский исламский центр, где «...как раз искали учителя, то есть миссионера для провинции, чтобы учил людей. Тогда я был уже готовый специалист по религии» (С., 43 года, т.). Информант оказывается в ТАССР и знакомится с местной девушкой, с которой заключает брак: «...жена у меня ...татарка и она ... была моя ученица». Брачный союз с местной татаркой заключает и узбек, который исполнял воинскую обязанность в Казани. Молодая семья сначала уезжает в Узбекистан, так как «...тогдашнее время все же люди Средняя Азия бегали, хлебный город, красивый», но прожив шесть лет, покидает республику. «Сначала

хотели в БАМ поехать, тогдашнее время был же БАМ, вся молодёжь едет. ... по пути здесь оказались хорошие люди, они посоветовали – оставайтесь здесь, вам дом будем давать, корову» (М., 59 л., уз.). После распада СССР оба информанта становятся гражданами РФ.

Информанты вспоминают тяжёлые условия жизни. Один поначалу жил в деревенском доме родителей жены. Второй – в мечети, а потом на съёмной квартире. Скоро они строят дома, в которых живут с детьми и внуками. Узбек начинает работать поваром в колхозной столовой. Таджик сначала был «в мечети преподавателем арабского языка, основ ислама и работал муэдзином» (С., 43 г., т.), а позже прихожане выбирают его имам-хатыбом.

Адаптация информантов прошла безболезненно: сказалось свободное владение русским языком благодаря советской системе, а также их стремление к освоению новой среды: «у меня ещё была (задача – прим. авт.) татарский язык освоить ... я выучил за три месяца. Сначала мы общались на русском языке, потом потихоньку с бабаем начали изучать татарский язык... Сначала два-три года как-то не очень так, трудно освоил ... три месяца серьёзно занимался, потом свободно на татарском языке разговаривать начал» (С., 43 г., т.). Информант признался: «...родного языка я уже как бы забываю, на татарском языке я много общаюсь и вагазы читаю на пятничной проповеди». Дети респондентов знают родные языки (таджикский и узбекский) ещё хуже. Отмечается, что «в основном ставка на русский язык, чтобы самый главный» (С., 43 г., т.).

Информанты помнят о своей этнической принадлежности, но она носит символический характер. «Узбекскость» или «таджикскость» практически не прививается детям и воспроизводится в эссенциалистском ключе (на основании знаний о национальности одного из родителей). Примечательно, что когда в российском паспорте фиксировалась национальность, информант посоветовал своим детям записаться татарами, т. к. опасался, что «...может подниматься националист» (М., 59 л., уз.).

Оба информанта неоднократно вспоминают советское время. Нарративы воспроизводятся в ностальгическом ключе: «Оттуда целый вагон со специями, ... вагонами поступали, здесь давали. Потом туда мы отправляли, помогли тогда для газа – трубы, машины, стройматериалы, картошка... сейчас такого уже нет» (М., 59 л., уз.). Для таджика СССР – это братство народов. Информант подчёркивает, что он «...был гражданином Советского Союза... «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз»» (С., 43 г., т.).

Советская национальная модель переносится на современную жизнь. «Для меня до сих пор как-то осталась любовь ко всем странам... Потому что заложили во мне эту всю любовь в детстве. Это социалистическое как-то до сих пор остаётся для меня – они как не чужие... хохол или белорус, например, вообще для меня как-то он свой. Понимаете? Или грузин, или узбек, или киргиз» (С., 43 г., т.). Информанты оказывают помощь, часто безвозмездную (советы, ночлег, деньги в долг) тем, кто приезжает в Татарстан: «...если возможность есть, надо помогать» (М., 59 л., уз.).

и прежде всего «...землякам, чтобы они адаптировались, уважали обычаи, традиции, изучали язык местный» (С., 43 г., т.). «Свои» вовлекаются в бизнес: «...они же с Узбекистана, ... одного взял, ещё есть парень здешний, у него отец более 60 лет, ... здесь живёт» (М., 59 л., уз.).

Респонденты чувствуют дистанцию с приезжающими. Информант-таджик неосознанно выстраивает границу, используя местоимение «у них»: «у таджиков – очень интересно – многодетные семьи, у каждого минимально по пять, по шесть, по четыре детей. Это у них традиция такая». Узбек отмечает, что перестала практиковаться традиция сбора денег на похороны членов общины, а «раньше мы – узбеки очень дружные, очень добросовестные, очень хорошие были здесь. Друг друга увидим, даже плакали, обнимались, ... теперь нет. И уважения друг к другу нету, не общаются никак... у нас самым последним появился: это – кыргызстанский узбек, это – таджикистанский узбек... Делятся... узбек – узбек. Хоть в Америке живёт узбек, хоть здесь, а они делятся... Каждый сам себе хозяин... не так, не клеится. Понимаете? Не клеится, как будто чужой» (М., 59 л., уз.). Дети информантов, социализировавшиеся в России, «... уже говорят: «Это чужие». Бывает такое – «не наши», «это не россиянин» (С., 43 г., т.).

Оба информанта не собираются уезжать из Татарстана, но они не теряют связь с регионами исхода. Семья узбека до распада СССР ежегодно выезжала в Узбекистан, но из-за дороговизны билетов и необходимости оформления загранпаспорта в постсоветское время такие поездки прекратились. Информант-таджик посещает Таджикистан два раза в год, он помог выехать в Россию своим братьям, иногда у него гостит мать. Родственники узбека живут в Узбекистане, они неоднократно пытались переехать в Россию, но безуспешно. Он оказывает им финансовую помощь.

Носителей обозначенной стратегии приживаемости можно считать «старожилами». Об этом свидетельствует не только длительность их проживания, отсутствие эмиграционных установок, обустроенность (наличие работы, собственного жилья, автомобилей, приусадебных участков, знакомых и друзей), но и свободное владение русским и татарским языками, наличие российского гражданства и ощущение себя полноправными гражданами РФ. Их дети считают себя «местными», они «... о России думают, ... учатся, занимаются в России... Они уже солдатами служат» (С., 43 г., т.).

Стратегия приживаемости 2: «В России много денег, очень много возможностей и народ добрый»

Другую стратегию приживаемости демонстрируют мигранты, которые переехали в Татарстан во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. Несмотря на показатели, на первый взгляд свидетельствующие об их приживаемости (срок пребывания в РТ почти двадцать лет, наличие

постоянной работы, жилья, семьи, свободное владение русским языком (благодаря обучению в советских школах), всё же они не ощущают себя «местными», отделяют их от себя, размышляют о возвращении на родину, а некоторые уже готовятся к нему.

Культурная дистанция с местными объясняется тем, что *«... у нас менталитет другой, любовь к матери, к отцу, к родственникам»* (А., 53 г., уз.). Дистанция проявляется на работе: *«Здесь местные так не работают, как мы; ...работают до первой зарплаты, потом пьют»* (Ф., 69 л., т.) и в быту: *«... когда я дом построил, улицы разбиты были, невозможно пройти. Соседи, оказывается, недружные были, друг с другом не разговаривали. Я взял да и нашёл строительный мусор, ... начал засыпать... Народ выходит, смотрит, и уходит. Мужики не выходят, женщины разведку делают: «Насыр, что ты делаешь?» Я говорю: «Улицу делаю». «Зачем тебе столько денег тратить?». «Нам говорили, что это святое дело: каждый человек будет проходить не по лужам, а по камням; ... эта дорога – это саван (богоугодное дело – прим. авт.)», – говорю. Они удивились. Потом мужчины начали выходить, ... один тысячу рублей даёт, другой две тысячи даёт... начали дружно жить»* (А., 53 г., уз.).

Представители данной группы активно апеллируют к религиозному фактору: он для них стал определяющим при выборе места жительства. Некоторые из них имели в Татарстане родственников, друзей, которые пригласили их жить в республику: *«здесь у меня есть знакомые самаркандские ребята»* (Н., 44 г., уз.); *«...в Ташкенте жили же, ... все татары, они сюда приехали, они знают ...»* (А., 53 г., уз.). Но их мотивировало ещё и то, что *«Татарстан – мусульманская страна, обычаи одинаковые... мусульманские. Уважение есть, язык почти одинаковый»* (А., 53 г., уз.); *«...здесь я увидел больше мусульман»* (Н., 44 г., уз.). Наши информанты пытались обустроиться и в других регионах: *«Когда я пришёл впервые в Россию, это город Саранск, я три года там работал...»* (Л., 42 г., т.); *«...Один раз был в Москве, только три дня... Честно, не понравился почему-то. Казань... мне понравился»* (З., 25 л., т.); *«...в Москве, во Владивостоке был, в Чите жил... На Востоке в фирме работал, на стройках»* (Ж., 54 г., т.). Высокий интерес к исламу, большой миграционный опыт и неоднократные попытки закрепления в разных регионах РФ – отличительные особенности представителей второй стратегии приживаемости.

Информанты (также как и представители первой стратегии) тесно контактируют с регионом исхода. У одного респондента семья живёт в Узбекистане: супруга ухаживает за престарелыми родителями, детьми и переезжать *«они не хотят»* (Н., 44 г., уз.). Супруги навещают друг друга, респондент считает себя кормильцем: *«Жена должна дома сидеть, вязать, жить там. Мы что делаем? Работаем, работаем, деньги отправляем, семью кормим»*. Информанты поддерживают связи с родственниками: *«Они каждый раз на Новый год приезжают ко мне»* (Ф., 69 л., т.), навещают, помогают с поиском работы в республике, оформлением документов.

Носители первой и второй стратегии приживаемости близки в том, что все они контактируют с земляками и оказывают им помощь. *«Бывает, кто-то умирает... Может на стройке упадёт. Своими силами собираем, весь груз делаем... вместе отправляем в свою Родину»* (А., 53 г., уз.). Но носители второй стратегии чаще стремятся капитализировать этничность. Трое информантов открыли кафе, в которых, по их мнению, должны быть *«... профессионалы, которые работают именно в кухне... Народ смотрит, если заходит в восточную кухню: там не восточные люди, все европейские люди – и уже по-другому начинают думать»* (Н., 44 г., уз.). Местные работают лишь на раздаче пищи, в санитарной зоне. Информанты отмечают: *«...любим мы готовить. Вы знаете, от души, как дома готовим... Мы даже добавим то, что не положено, чтобы было вкусно»* (Ф., 69 л., т.). Один информант предоставляет платные услуги мигрантам: *«Во-первых, бесплатная юридическая консультация идёт... Что нужно? Какие документы необходимы, чтобы подать ... на разрешение для работы? ... И во всём этом мы помогаем ... Они не знают русского языка хорошо... Им проще, конечно, прийти к нам, разговаривать на своём родном языке – это приём экзаменов, сертификат.... Учителя приезжают из Москвы... Они принимают и уезжают... Мы консультации проводим»* (Р., 24 г., т.). Респондент вместе с напарником, выходцем из Таджикистана, организовал бизнес по продаже специальных тарифов на звонки от сотовых операторов для мигрантов.

Все информанты свободно владеют русским, таджикским или узбекским языками, внуки понимают лишь отдельные слова на национальных языках. Узбеки говорят на татарском языке, а информант-таджичка понимает его, но говорит с трудом. Таким образом, анализируемая группа демонстрирует языковое поведение, которое нехарактерно для представителей первой стратегии (они лучше знают таджикский или узбекский, хуже – татарский).

Несмотря на длительное проживание в Татарстане, некоторые не получили российского гражданства и имеют лишь патент на работу. Однако отсутствие гражданства не мешает им чувствовать себя частью российского общества: *«Знаешь – трудно, но мы живём здесь, мы должны участвовать в любом виде»* (И., 54 г., т.), *«... всё зависит от тебя: сам себя уважаешь – тебя будут уважать, себя не уважаешь – тебя не будут уважать»* (Ш., 56 л., уз.). Носители второй стратегии приживаемости – это потенциальные старожилы. Они стремятся стать россиянами, потому что *«В России много денег, очень много возможностей и народ добрый»* (Н., 44 г., уз.), отмечают, что *«... привык уже... как родина стал Татарстан»* (Л., 42 г., т.); *«Татарстан для меня как родной... Недавно в Москве был, всё равно патриотизм остаётся к Татарстану»* (Р., 24 г., т.). Некоторые занимаются общественной работой, участвуют в субботниках, в городских праздниках, оказывают спонсорскую и физическую помощь Домам инвалидов, ремонтируют мечети. Однако все они отмечают, что *«...до сих пор тянет (в Узбекистан – прим. авт.), каждый год один раз во время Уразы ёду»* (Н., 44 г., уз.), и хотят,

чтобы к ним «...кто-нибудь (из родственников – прим. авт.), хотя бы один (переехал – прим. авт.)» (Ф., 69 л., т.). Информанты старших возрастов не исключают возвращения в преклонном возрасте: «...пока мои дети не вырастут и на ноги не встанут, я буду здесь. Когда уже постарею, я очень хочу вернуться в Узбекистан» (Н., 44 г., уз.). Это объясняется тем, что «Родина есть Родина... на Родину я поеду! Кто на тебя на старости лет смотрит? 70 лет тебя всё равно твоя жена смотрит, дети смотрят – это восточная жизнь» (А., 53 г., уз.). Они строят дома в регионах исхода, вовлекают в бизнес в Татарстане сыновей, чтобы со временем передать его в их руки и вернуться домой.

Стратегия приживаемости 3: «...пять-шесть месяцев побудем и всё, хватит»

Третья группа – это те, кто приезжают в Татарстан регулярно на работу с начала 2000-х гг. на короткий срок: «...пять-шесть месяцев побудем и всё, хватит» (Ч., 46 л., уз.). Поездки возобновляются в течение 4–20 лет. Информанты – наёмные рабочие (продавцы текстиля, фруктов и овощей, водители, строительные специальности). Они не стремятся открыть бизнес, поскольку «всё равно это тяжело. Мы средний школа закончили» (Л., 49 л., уз.).

Почти все имели опыт работы в российских регионах. Татарстан им советовали знакомые и/или родственники (как правило, мигранты). Отмечается, что в республике «люди хорошие, отношение, уважение, не как в другом месте» (Г., 46 л., уз.); «люди добрые, как в Узбекистане. С этого, наверное, ходим сюда» (Л., 49 л., уз.); «Одамлары яхши (люди хорошие – прим. авт.), эш (работа – прим. авт.) нормальный» (О., 37 л., уз.), а также то, что «... мусульмане здесь» (Ч., 46 л., уз.); «Там (в Москве – прим. авт.) мусульманский нет, а здесь мусульманский. Это хорошо мне» (С., 37 л., уз.).

Мигранты приезжают на заработки по рекомендациям, советам знакомых, родственников, соседей, сами приглашают близких. При поиске работы они прибегают к объявлениям и посредникам, реже находят её самостоятельно. Информанты из строительной сферы предпочитают работать в бригадах, состоящих из родственников, знакомых – жителей родного села или района: «Мы с Мумином один забор (имеем – прим. авт.)» (Ч., 46 л., уз.); «В одной деревне живём. ... Здесь чужие нет... Соседи, родственники. У меня чужие нет» (Л., 49 л., уз.). В таких бригадах мигранты вместе работают, живут, готовят пищу, проводят свободное время. Среди них выбирается старший, который владеет русским языком и подыскивает заказчиков, организывает работу, отслеживает оплату труда, «у него обязанности... ребята, чтобы не болеть, доктора надо» (С., 37 л., уз.). Трудовой день строителей длится до тех пор, «когда устал» (Л., 49 л., уз.), и они не общаются с представителями своих этнических общин. Работающие на рынках коммуницируют с местными, но у них нет связей с обустроившимися в РФ соотечественниками.

Мигранты (за исключением двоих, имеющих собственное жильё) снимают квартиры, комнаты, строители живут в вагончиках, временках, но не жалуются, потому что *«для работа приехали, для денег»* (Л., 49 л., уз.). У большинства в регионе исхода остались семьи. Молодые информанты приезжают, чтобы заработать деньги на свадьбу, стройку, учёбу, покупку автомобиля. Жёны и взрослые дети мигрантов по возможности работают в регионе исхода, а если семья из сельского района, то все её члены занимаются выращиванием сельскохозяйственной продукции с последующей продажей на рынках Татарстана: *«Всё время отец смотрит. Один раз на три месяца едем туда, урожай собирать»* (Л., 42 г., т.).

Узбеки понимают и могут изъясняться на татарском языке. Таджики подчеркнули, что он даётся им сложнее русского и чаще они его лишь понимают. Молодёжь русским языком владеет слабо. Распространена практика совмещения русских и таджикских или узбекских слов.

Большинство не имеют российского гражданства и не стремятся его получить. Все прошли процедуру легализации. Информанты подчёркивают, что *«всё равно Узбекистан лучше»* (К., 45 л., уз.); *«Всё равно Родина есть Родина»* (Г., 46 л., уз.), указывают на наличие жилья, тёплый климат, проживание семей в регионах исхода. Каждый имеет двоих–троих детей, только один – четверых. Большинство заявляют: *«Я домой хочу. В Узбекистан я хочу, ... там мои родители, семья там»* (Е., 41 г., уз.).

Среди носителей третьей стратегии приживаемости оказались сомневающиеся по поводу своих будущих выездов в Россию на заработки. Это связано со снижением уровня оплаты их труда и высокими расходами за легализацию своего присутствия и работы в РФ. Отмечается усложнение поиска работы, уменьшение размера заработной платы, подорожание проездных билетов: *«...у себя будем искать. В этом году уже вообще сложно. Уже не получается – деньги не можем отправить домой... Всё только надо платить да платить: 3300 надо патент платить и продлить»* (Ч., 46 л., уз.). На развитие миграции из Таджикистана и Узбекистана оказывает влияние и некоторое улучшение экономических ситуаций в данных государствах, стимулирующее местные рынки труда – тенденция, которая обозначалась мигрантами в интервью. Тем не менее, основная часть информантов планирует по-прежнему приезжать на заработки в РФ: *«Дальше время покажет... Нет, выгода всё равно есть, там у нас работа нет. ... Всё равно семья кормить надо»* (Л., 49 л., уз.).

Заключение

Исследование показало, что определяющими субъективными социокультурными условиями приживаемости таджиков и узбеков в Татарстане являются особенности их социализации в регионах исхода и глубина освоения культурных норм принимающего сообщества.

Данные условия могут простимулировать или, напротив, стать препятствием для закрепления в Татарстане представителей нетрадиционных для республики этнических групп.

Те, кто приехали в конце советского периода или в начале постсоветского, являются «старожилами». Об этом их статусе свидетельствует не только наличие жилья, работы, российского гражданства, проживание вместе с семьями. Показателем приживаемости данной группы является освоение её представителями и их детьми татарского языка, отсутствие культурной дистанции с местным населением, подчёркивание своей идентификации с Россией и Татарстаном. Социализация «старожилов», проходившая в условиях единого правового, языкового поля СССР, советской культуры межнационального общения, оптимизирует приживаемость – такие мигранты без труда влились в принимающее сообщество и стали его частью. Отсутствие чёткой идентификации с таджикской или узбекской общностью (в пользу татарской, что отражается в устремлениях к татарскому языку и культуре, в привитии «татарскости» детям), очевидно, можно рассматривать как показатель обретения статуса местного жителя.

Неприжившимися являются те, кто, несмотря на длительный (до 20 лет!), многократный опыт пребывания в Татарстане, так и не стали «старожилами». Такие мигранты не имеют жилья, российского гражданства и не стремятся его приобрести, не осваивают культуру принимающего сообщества, часто живут обособленно, анкклавами, не контактируя с местными и со «старожилами». Социализация большинства из них проходила в условиях независимости постсоветских республик, их новых языковых политик. Поэтому многие, особенно работающие на стройках, слабо владеют русским языком (но лучше татарским). Русский знают лучше те, кто занят в торговле. Все активно используют таджикский или узбекский языки. Языковое поведение препятствует приживаемости таких мигрантов, переселению их семей, проживающих у всех без исключения участников исследования в регионах исхода. Сказывается и более низкий образовательный уровень, а также некоторое повышение качества жизни в Таджикистане и Узбекистане, снижающее мотивацию к миграции в РФ.

Промежуточное положение занимают мигранты, достаточно давно проживающие в Татарстане. На первый взгляд, их можно считать «старожилами», т. к. у всех имеется работа, у некоторых – собственное жильё, гражданство РФ, семьи, живущие вместе с ними. Однако такие информанты чувствуют культурную дистанцию с местными жителями, а Родиной считают регион исхода. Они свободно владеют русским, таджикским и узбекским языками, но слабо татарским. Некоторые намерены вернуться, готовят своё возвращение. Все являются носителями актуализированной этнической идентичности, подчеркивают её и не чувствуют себя частью местного этнокультурного сообщества.

Несмотря на разную степень приживаемости (или её отсутствие), всех обследованных мигрантов объединяет ислам как одно из важных мотивационных условий. Для советских переселенцев он стал закрепляющим фактором, когда в 1990-х гг. появилась возможность для открытого исповедования религий, в том числе в Татарстане

с его высокой долей последователей ислама. Для других мигрантов распространённость ислама в республике, наличие мечетей, высокая межконфессиональная толерантность в регионе предопределили выбор региона вселения. Можно предположить, что конфессиональная близость между приезжими и местными может стимулировать приживаемость мигрантов.

Ещё одной общей для всех участников исследования особенностью стала включённость во внутриэтнические сети, в той или иной форме объединяющие их. Одни оказывают моральную поддержку прибывающим таджикам или узбекам, другие организуют рынок услуг для трудовых мигрантов, третьи – формируют бригады из членов семей и земляков, привлекают к бизнесу родственников или соотечественников. Включённость во внутриэтнические сети, как показали материалы исследования, могут способствовать приживаемости мигрантов. Большую роль в этом процессе играют «старожилы», зачастую выступающие посредниками между новосёлами и местным населением.

Все информанты имели родственников, знакомых или друзей в Татарстане, которые советовали, помогали при переезде, обустройстве, поиске работы. Все они, независимо от времени приезда в республику, поддерживают контакты с регионом исхода. Однако плотность и качество связей с Родиной в трёх выявленных группах различаются. У «старожилов» они номинальные, это скорее дань традициям, сохраняющимся в Таджикистане и Узбекистане. Для носителей промежуточной стратегии приживаемости связь с регионом исхода – это капитал, который используется при строительстве бизнеса в Татарстане. Жизнь и работа «между двух миров» снижает возможности для их приживаемости.

Выявленное с помощью интервью отсутствие прямой связи между длительностью пребывания, эмиграционными установками и приживаемостью требует проверки с помощью количественной исследовательской стратегии.

Библиографический список

Билалова Н. 2018. Модель «Нового века» // Наш дом Татарстан. № 5 (056). Декабрь. С. 38.

Варшавская Е. Я., Денисенко М. Б. 2014. Мобильность иностранных работников на рынке труда // Социологические исследования. № 4. С. 63–73.

Дети Петербурга. Помощь детям мигрантов. Культурно-просветительские программы для детей и подростков. 2018. URL: <http://detipeterburga.ru/> [Дата посещения: 18.04.2018].

Габдрафиков И. М., Хуснутдинова Л. Г. 2015. Интеграция мигрантов в республиках Поволжья как проблема общественного восприятия и общественно-государственного партнерства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. № 12. Ч. IV. С. 47–50.

Демографический понятийный словарь / Под ред. Л. Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2003. 352 с.

Зайончковская Ж. А. 1972. Новоселы в городах (методы изучения приживаемости). М.: Статистика. 164 с.

Идентификационные стратегии диаспорных и земляческих групп в российских регионах: сб. статей. / Под. ред. А. В. Дмитриева. М.: Новый хронограф, 2016. 208 с.

Ионцев В., Ивахнюк И. 2013. Модели интеграции мигрантов в современной России // CARIM-East RR 2013/12, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute. URL: http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-RR-2013-12_RU.pdf [Дата посещения: 18.04.2018].

Козлов В. Е., Фролова Е. В., Вятчина М. В. 2016. Диаспоры и сообщества мигрантов в Республике Татарстан: этносоциологические очерки. Часть III. Казань: ООО Глаголь. 255 с.

Коньков А. Т. 2015. Проблема интеграции этнических мигрантов на Дальнем Востоке России и её особенности в Сахалинской области // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. № 1. С. 206–220. DOI:10.24290/1029-3736-2015-0-1-206-220.

Мартынова М. Ю. 2016. Этнокультурные аспекты адаптации мигрантов / Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 17–18 ноября 2016 г. / Отв. ред. Г. Ф. Габдрахманова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. С. 28–32.

Межэтническая напряженность в меняющемся социальном контексте: результаты исследования 2017. М.: ФНИСЦ РАН. 133 с. URL: http://www.isras.ru/files/File/INAB/INAB_1_2017.pdf [Дата посещения: 18.04.2018].

Мигранты на российском рынке труда: за и против. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3072. 2016. 30.03.2016. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115643> [Дата посещения: 18.04.2018].

Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В. И. Мукомель. М.: НП «Центральный Дом адвоката», Московское бюро по правам человека, «Academia», 2014. 245 с.

Мокин К. С. 2009. Адаптация мигрантов: варианты стратегий // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции / Российский фонд фундаментальных исследований. ФГНУ «Росинформагротех». С. 97–115. URL: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_25857#1 [Дата посещения: 18.04.2018].

Мукомель В. И. 2013. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетрадь / Гл. ред. И. С. Иванов. М.: Спецкнига. 34 с.

Мухаметшина Н. С. 2013. Проблемы интеграции мигрантов в региональный социум // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 15.1. С. 138–142.

Нам И. В. 2015. «Новые» этнические группы (диаспоры) в г. Томске // Вестник Томского государственного университета. История. № 5 (37). С. 34–43. DOI 10.17223/19988613/37/5

Рейтблат А. И. 2014. Диаспоры и «Диаспоры» (Обзор журнала «Диаспоры»). URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/127-2014/24381-diaspory-i-diaspory-obzor-zhurnala-diaspory.html> [Дата посещения: 18.04.2018].

Рыбаковский Л. Л. 2001. Миграция населения (вопросы теории). Стадии миграционного процесса. URL: <http://rybakovsky.ru/migracia2n.html> [Дата посещения: 18.04.2018].

Сагдиева Э., Габдрахманова Г., Мусина Р. 2011. Освоение пространства. Социально-экономические практики трудовых мигрантов в России. Lambert Academic Publishing, Germany. 153 с.

Семенова В. В. 1998. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию: Учеб. пособие для студентов вузов / Институт социологии РАН. М.: Добросвет. 290 с.

Шурупова А. С. 2006. Адаптация и приживаемость мигрантов // Федеральный образовательный портал. Экономика. Социология. Менеджмент. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/148/801/1219/012_Shurupova.pdf [Дата посещения: 18.04.2018].

Южанин М. А. 2007. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // Социологические исследования. № 5. С. 70–77.

DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.556

The Socio-Cultural Conditions for the Adaptation of “New” Ethnic Groups in the Republic of Tatarstan

Gulnara F. Gabdrakhmanova

Marjani Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia.
E-mail: medi54375@mail.ru

Elvina A. Sagdieva

Marjani Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia.
E-mail: elvina_n@inbox.ru

For citation: Gabdrakhmanova, G. F.; Sagdieva, E. A. The socio-cultural conditions for the adaptation of “new” ethnic groups in the Republic of Tatarstan. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 62–81. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.556>

Abstract. Censuses conducted at the turn of the 21st century reveal an increase in ethnic diversity in Tatarstan. The migration of people, who became the namesakes for Soviet republics and CIS states, has lead to the emergence of unconventional ethnic groups in this region. Matters regarding why some of their members are able to establish themselves in the region, while others are not, as well as the factors which affect the process – all of this has not been sufficiently examined. The key objective of this study was to reveal the subjective socio-cultural conditions for the process of “new” ethnic groups attaching themselves to Tatarstan, them having spent various amounts of time in the republic. In 2016 the authors conducted a study of the aforementioned process while focusing on the

Tajiks and Uzbeks living in Tatarstan. Using a qualitative approach (while utilizing interview method), which involved exposing the most typical forms of the subjective perception of migration (phenomenology of M. Weber, A. Schutz, E. Husserl, H. Bergson). In depth interviews revealed that the length of stay and an absence of plans for leaving the region of settlement are insufficient (in some cases even invalid) markers of migrant adaptation: the latter should be determined using the socio-cultural characteristics of inbound migrants. These would include their socialization in their regions of departure, their migration experience and reasons for moving to Tatarstan, whether they have a family or not, their family ties, whether they regard themselves and their children as citizens of the Russian Federation, the degree to which they have absorbed the cultural norms of the host community (which includes knowledge of the local languages), their ethnic identity and interethnic networks. Analyzing these parameters allowed for highlighting three adaptation strategies utilized by Tajiks and Uzbeks living in the Republic of Tatarstan. The first one is represented by those who moved there at the end of the Soviet period, or the beginning of the post-Soviet period. These are the "old inhabitants". This group does not include those who have not integrated, despite them staying in Tatarstan for prolonged periods several times. They do not possess their own residence, or Russian citizenship, and do not seek to attain it. They have no intent to adopt the culture of the host society, often live in isolation, while their families reside in Tajikistan or Uzbekistan. An intermediate position is occupied by migrants who have been living in Tatarstan for quite a long time. All of them are employed, some of them have their own residence and Russian citizenship. Some of them live there together with their families. Such informants consider themselves distant from the locals in terms of culture, while considering their regions of departure to be their homeland. Despite the varying degree of attachment (or lack thereof), one common thing among all of those migrants surveyed is the fact that Islam was one of the key motivational terms of their migration.

Keywords: migrants, Tatarstan, Tajiks, Uzbeks, survival, socio-cultural features.

References

Bilalova N. Model' «Novogo veka» [Model of «New century»]. Nash dom Tatarstan, 2018, no 5 (56).

Varshavskaya E. Y., Denisenko M. B. Mobil'nost' inostrannykh rabotnikov na rynke truda [Foreign workers mobility in Russian labor market]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2014, no 4, pp. 63–73.

Deti Peterburga. Pomoshch' detiam migrantov. Kul'turno- prosvetitel'skie programmy dlia detey-podrostkov [Children of St. Petersburg. Assistance to migrant children. Cultural and educational programmes for children and adolescents.] "Petersburg Children" website. URL: <http://detipeterburga.ru> [date of visit: 18.04.2018].

Gabdrafikov I. M., Husnutdinova L. G. Integraciya migrantov v respublikah Povolzh'ia kak problema obschestvennogo vospriyatiya i obschestvenno-gosudarstvennogo partniorstva [Integration of migrants in the Volga republics as a problem of public perception and public-state partnership]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki, 2015, no 12 (62), part IV, pp. 47–50.

Demograficheskiy ponyatiyniy slovar' [Demographic conceptual dictionary]. Ed. by L. L. Rybakovskiy. Moscow, CSP, 2003.

Zajonchkovskaya Zh. A. Novosely v gorodah (metody izucheniya prizhivaemosti) [New settlers in cities (methods of survival studying)]. Moscow, Statistika, 1972. 164 p.

Identifikacionnye strategii diaspornykh i zemljacheskikh grupp v rossiyskikh regionah [The identification strategy of Diaspora and compatriot groups in the Russian regions]. Ed. by A. V. Dmitriev. Moscow, Novy khronograf, 2016. 208 p.

Ioncev V., Ivahniuk I. Modeli integracii migrantov v sovremennoy Rossii [Models of integration of migrants in modern Russia], CARIM-East RR 2013/12, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI), European University Institute, 2013.

Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1989 goda [Results of the all-Union population census of the year 1989]. Kazan', 1990.

Kozlov V. E., Frolova E. V., Viatchina M. V. Diaspory i soobschestva migrantov v Respublike Tatarstan: etnosociologicheskie ocherki [Diaspora and migrant communities in the Republic of Tatarstan: ethno-sociological essays]. Part III. Kazan, Glagol, 2016. 255 p.

Kon'kov A. T. Problema integracii etnicheskikh migrantov na Dal'nem Vostoke Rossii i eyo osobennosti v Sahalinskoy oblasti [The problem of integration of ethnic migrants in the far East and its features in the Sakhalin region]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 18: Sociology and political science, 2015, no 1, pp. 206–220. DOI: 10.24290/1029-3736-2015-0-1-206-220

Martynova M. Y. Etnokul'turnye aspekty adaptatsii migrantov [Ethno-cultural aspects of migrant adaptation]. Positive experience in regulating ethno-social and ethno-cultural processes in the regions of the Russian Federation. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of TAS publ., 2016, pp. 28–32.

Mezhetnicheskaya napriazhennost' v menjajushchemsia social'nom kontsekte: rezul'taty issledovaniia [Interethnic tensions in a changing social context: the results of the study]. Moscow, FCTAS RAS publ., 2017. 133 p. URL: http://www.isras.ru/files/File/INAB/INAB_1_2017.pdf [date of visit: 18.04.2018].

Migranty na rossiyskom rynke truda: za i protiv [Migrants on the Russian labor market: pros and cons]. RCPOR Press release, no 3072 (30.03.2016). The Official website. URL <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115643> [date of visit: 18.04.2018].

Migranty, migrantofobii i migratsionnaya politika [Migrants, migrant-phobia and immigration policy]. Ed. by V. I. Mukomel'. Moscow, Central house of the lawyer, Bureau for human rights, "Academia" publ., 2014. 245 p.

Mokin K. S. Adaptatsiya migrantov: varianty` strategiy [Migrant adaptation: strategy options] Novye etnicheskie gruppy v Rossii. Puti grazhdanskoy integratsii. Rossiyskiy fond fundamental'nykh issledovaniy. 2009. RFBR Official web portal. URL: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_25857#1 [date of visit: 18.04.2018].

Mukomel' V. I. Politika integratsii migrantov v Rossii: vyzovy, potentsialnye riski: rabochaia tetrad' [Migrant integration policy in Russia: challenges, potential risks: workbook]. Moscow, Spekniga, 2013. 34 p.

Muhametshina N. S. Problemy integratsii migrantov v regional'nyy sotsium [Problems of integration of migrants into regional societies]. Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiyskoy akademii nauk, 2013, vol. 15.1, pp. 138–142.

Nam I. V. "Novye" etnicheskie gruppy (diaspory) v gorode Tomske ["New ethnic groups (Diaspora) in Tomsk]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, 2015, no 5 (37), pp. 34–43. DOI 10.17223/19988613/37/5

Reytblat A. I. Diaspory i "Diaspory" (Obzor zhurnala "Diaspory") [Diaspora and "Diaspora" (Overview of Diaspora magazine). New Literature Review website. URL: <http://nlobooks.ru/node/5151> [date of visit: 18.04.2018].

Rybakovskiy L. L. Migratsiya naseleniya (voprosy teorii). Stadii migratsionnogo processa. [Population migration (the theory). Stages of the migration process]. London. Rybakovsky personal website. URL: <http://rybakovsky.ru/migratsiya2n.html> [date of visit: 18.04.2018].

Sagdieva E., Gabdrakhmanova G., Musina R. Osvoenie prostranstva. Social'no-ekonomicheskie praktiki trudovykh migrantov v Rossii [The development of space. Socio-economic practices of migrant workers in Russia]. Saarbrücken, LAP publ., 2011. 153 p.

Semionova V. V. Kachestvennye metody: vvedenie v gumanisticheskuyu sotsiologiyu [Qualitative methods: introduction to humanistic sociology]. Moscow, Dobrosvet, 1998. 290 p.

Shurupova A. S. Adaptatsiya i prizhivaemost' migrantov [Adaptation and survival of migrants]. The E.S.M. Web portal. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/148/801/1219/012_Shurupova.pdf [date of visit: 18.04.2018].

Yuzhanin M. A. O sociokul'turnoy adaptatsii v inoetnicheskoy srede: konceptual'nye podhody k analizu [On sociocultural adaptation in the non-ethnic environment: conceptual approaches to the analysis]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2007, no 5, pp. 70–77.